

Многочисленные и многотрудные попытки отечественных и зарубежных философов прошлого и современности раскрыть смысл высказывания Ф.М. Достоевского о заключённой в русской идее великой силе не привели к выработке универсальной формулы, дающей решение поставленной задачи. Необъяснимая сила столь же необъяснимой русской идеи будоражит воображение авторов научных и околонучных исследований, оппонентов и комментаторов – и тех, и других, порождает новые догадки и новые перепевы старых вариаций. Как всё необъяснимое приводит к бездоказательной вере, так и в данном случае остаётся полагаться на единственность такого подхода и, не ломая копья, уверовать в существование русской идеи. Или, если брать шире – русского бога, во имя которого и под руководством которого быть русскому народу.

Мы привыкли к мысли, что бог осознаётся землянами (по крайней мере, ими наверняка) как идея, которой охвачены миллиарды человек. Служители этой идеи и искренние её приверженцы связывают с идеей бога своё понимание мироустройства, истории возникновения жизни (на Земле – в частности), появления человека и т.д. Концепт бог – центральный, структурообразующий в концептосфере мировой культуры обозримого прошлого, обозреваемого настоящего и, надо полагать, будущего, обозреваемого смутно. Таким образом, не особо погрешив против логики, можно допустить, что если бог – это идея, то русская идея – это русский бог. Легитимизация русского бога, претендующего на автономию («самозаконие») в сонме других богов (богов других народов, народностей и т. д.), чревата разрушением

структуры организации сознания верующих и попаданию их в стан поражённых когнитивным диссонансом.

* * *

Бесчисленны утверждения о миссии России в судьбе человечества. Напомним высказывание Достоевского: «Народ наш носит в себе органический зачаток идеи, от всего света особливой. Идея же заключает в себе такую великую у нас силу, что, конечно, повлияет на всю дальнейшую историю нашу». Эта некая идея со временем укрепилась в сознании и в трудах философов, литераторов и прочих гуманитариев конкретно как Русская идея, открыв новые (и безграничные) направления для исследований сути и сущности Руси – России. Приведённое высказывание о русской идее зародилось в мыслях Ф.М. Достоевского, можно предположить, спонтанно, как всякое великое озарение и, как истинно великое открытие, возвеличило не только самого автора, подарившего поколениям последователей и исследователей возможность проявить эрудицию в хитросплетениях и взаимосвязях гуманитарных, технических и теологических наук применительно к данному вопросу. Русская идея как тема многоаспектных обсуждений привлекла внимание и С.А. Емельянова.

Основной замысел книги С.А. Емельянова «Русская идея и звуки вечности» не только в том, чтобы рассмотреть проблемы (и механизм) взаимодействия религиозного и эстетического идеала, комедии и трагедии отечественной истории, самой русской идеи, как указано в аннотации, но и дать читателю возможность экстраполировать свои воззрения, в том числе и в глобальном, вселенском масштабе, на вопросы мироустройства, и выработать (в чём-то подтвердить или опровергнуть) свои собственные представления о душе, духе и материи, о стране и народе, то есть самостоятельно «перебросить экзистенциальный мостик от судьбы национально – исторической к судьбе лично – индивидуальной, а затем попытаться высветить вертикальное измерение своей тленной жизни как тот «остаток», что неразтворённым уйдёт с нами в Инобытие» (Кьеркегор). Стоящему перед этим мостиком суждено стать свидетелем и участником многофакторного эксперимента, в котором на равных действуют Любовь, Вера, Надежда, Зло, Добро и остальные воители и воительницы, находящиеся в непрестанном соприкосновении друг с другом и с Человеком.

Книга С.А. Емельянова (далее – С. Е.) – своеобразный октаэдр (восьмигранник) по количеству граней – разделов (ключе-

вые и заключительные слова – единая грань). Книга – октаэдр в целом и каждой своей гранью представляет «русскую идею», рассмотренную в определённой плоскости рассуждений, удерживаемой колками цитат. К слову: правильный октаэдр – один из пяти выпуклых правильных многогранников, так называемых Платоновых тел, что поддерживает выбор именно такого образа книги, ибо на основе воззрений Платона выстроены многие утверждения С.Е.

«Октаэдр С.Е.» создан свободным художником мысли, рассчитан на тех, кто «похож на меня» (слова С. Е. – Л. Д.) и на тех (в большей степени), кто духовно и эстетически мимикрирует, принимая сторону автора в джунглях его рассуждений, лежащих, бесспорно, в рамках православия и при этом одухотворённых мыслями философов Запада, Востока и, естественно, самой России. Рисуя широкие полотна состояния (в основном в социальном аспекте) современной России, обращаясь к её давнему и не очень давнему прошлому, С.Е. приводит массу известных исторических фактов не с целью просто о них напомнить, но дать им свою, подчас неординарную, оценку, с чем не обязательно должен согласиться вездливый читатель, но о чём он, читатель, обязательно призадумается. Для карандаша (пера, ручки, клавиатуры) оппонента есть где разгуляться, есть что опровергнуть или дополнить. Материал далёк от крикливой (и кричащей) публицистичности жёлтого оттенка и отличается, в первую очередь, занимательностью в достойном смысле слова. Стиль изложения и подбор материала делают книгу именно занимательной, что особенно ценно для привлечения-приобщения (в первую очередь) не слишком искушённого читателя к серьёзной литературе. Не умаляя уровня научной ценности книги, её можно смело отнести к категории «занимательная философия» в дополнение к уже известным в этом плане книгам по физике, математике, астрономии, психологии и т. д.

* * *

С первых абзацев автор с полемическим задором бросает читателю вызов на обсуждение взглядов и представлений аналитика – мыслителя, собеседника, философа, культуролога, россиеведа и тонкого наблюдателя, не лишённого чувства доброго юмора и самоиронии. Язык книги краток, точен, образен; два-три штриха неожиданного ракурса, а то и просто «замечание походя» к портрету той или иной исторической личности вносят опреде-

лённый «оживляж» в общую структуру повествования, придавая своеобразие стилю изложения. В этом отношении перед читателем равны все личности, затронутые острым и остроумным пером (клавиатурой) С.Е. Это, в частности: «известный Калининградский философ И. Кант», «эталонный мудрец Сократ», «малопьющий богатырь Илья Муромец», «заслуживающий личного мемориального бюста у подъезда Ж.Ж. Руссо», «густобородый атеист К.Г. Маркс», «одетый в лосины адепт западной деловитости Пётр с порядковым номером 1», «верный зять отечества А.С. Хомяков», «первый учёный XX века без длинного списка учеников А. Эйнштейн», «отечественный Гулливер А.А. Проханов – певец красной империи с запахом гексогена» и т.д.

Вынесенные в качестве эпиграфов к книге высказывания Ф.М. Достоевского и Л.Н. Гумилёва как задающие магистральные направления диспута – дискуссии автора с миром определяют уровень обсуждений. Каждый из постулатов, заключённых в эпиграфах, уже являлся предметом дискуссий на всевозможных научных форумах и на страницах книг и журналов, что облегчает задачу С.Е. в подборе и выборе материалов. Каждый из постулатов по-разному интерпретирует возможные пути будущего развития России. При этом окончательного, логически выверенного итога по результатам предыдущих дискуссий по теме, вынесенной в название книги, нет. Думается, его и быть не может: слишком широка проблематика и слишком многоплановы варианты возможных решений. Своё видение сути русской идеи автор изложил следующим образом: «Содержательная суть Русской Идеи как инобытия геополитической гравитации в художественной инсталляции положительных компонентов исторического и современного» (С.Е., с. 8). Иную трактовку обобщённого понятия национальной (в том числе и русской, – Л.Д.) даёт А.И. Солженицын: «Термин “национальная идея” не имеет чёткого научного содержания. Можно согласиться, что это (когда-то популярная идея) представление о желаемом образе жизни в стране, владеющее её населением. Такое объединительное представление – понятие может оказаться и полезным, но никогда не должно быть искусственно сочинено в верхах власти или внедрено насильственно». (Из интервью еженедельнику «Шпигель»).

Приземляя трактовки важнейших философских понятий и нацеливая свои рассуждения в русло практики (Практика – критерий истины), С. Е. замечает, что: «Если уже давно известное заставляет думать, переживать и *действовать* (выделено

мною – Л. Д.) с пользой для общества и интересом для себя – это называется Истиной» (там же). В этом, казалось бы, проходном замечании отражается суть подхода С.Е. к решению сугубо теоретических проблем. Чем привлекает книга в целом, – так это не только позитивным взглядом автора на мир, но и непрестанным напоминанием: любая идея может быть воплощена только в результате *действия*, в результате *делания*. «Выход из конфликтной ситуации (жизнь для себя – жизнь в отречении от себя, – Л. Д.) там же, где и вход – от созерцания мира человек должен перейти к его улучшению» (С.Е., с. 112), т.е. к деланию нового мира или переустройству (совершенствованию) существующего. Но каждое новое поколение получает мир «с обременениями», от которых отделаться бывает невозможно. Эти обременения эволюционируют в более изощрённые формы, а человек всё более отдаляется от цели своего существования. Обращаясь к мировому пролетариату с призывом сбросить ярмо «обременений», К. Маркс, «отягощённый» немецкой классикой, не интерполировал тезис – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – до уточнения: «Соединяйтесь, не переставая быть пламенными патриотами своей страны» (С.Е., с. 114).

* * *

Принятое за аксиому разделение мира (в устоявшемся для нас понимании) на Запад и Восток представляется ущербным, не учитывающим, что земной шар имеет как минимум (последнее слово оставляем за математиками) четыре полушария (Север – Юг, Запад – Восток), поэтому ограничивать направления развития России (экспансии интересов) в геополитическом плане евразийством – заведомо усекать исследования перспективных альтернатив. Современная проблема массовой миграции в страны Европы предупреждает: экватор близок, скоро и на африканский роток не накинешь платок.

Лавка будущих древностей ждёт книгу С.Е. как артефакт эпохи сильнейшего противостояния России с Западом и христианства с мусульманством, эпохи открытых конфликтов и временно сглаживающих их компромиссов. Трудно сказать, проявляется ли действие генома русской идеи, неявным образом оберегающего Россию от крупномасштабных неприятностей, или сказывается умение российских политиков избегать принятия необратимых по возможным последствиям решений, но сегодня Россия – действительно крупная мировая держава, ре-

ализующая, однако, далеко не в полную мощь свой потенциал. Основная загадка русской идеи, возможно, в том, почему Россия неэффективно использует богатейшие природные ресурсы, ум и смекалку народа. Или не та деловая хватка? Или что-то мешает коллективному разуму «встряхнуться», осознать народу своё Я и начать действовать во имя своего благосостояния? Или России постоянно мешают внешние факторы, заставляющие её отодвигать решение *своих* проблем на неопределённое время? Эти и другие «или» рассматриваются С.Е. в широком контексте основной проблемы русской идеи.

Считается, что формально право гражданства понятие «русская идея» обрело в 1862 году благодаря Ф.М. Достоевскому («Дневник писателя»), но фактически русская идея, будучи неоформленной и неозвученной, витала над Россией – Русью ещё дохристианской, отсутствие прямых источников – ещё не повод для сомнений. Владимир Святославович, «хозяин Земли Русской, трезво понимал идеологическую неадекватность пантеона языческих общинно – племенных богов для неуклонного повышения качества жизни» (С.Е., с. 15) . Социальная направленность деятельности князя Владимира подвигла его на политический шаг для переориентации Руси и (!) в духовном плане. О духовности политики (и неразрывности этих понятий) С.Е. ещё раз напоминает, рассматривая состояние американского общества (и американской политики) уже в наши дни: «Духовно возрастающая политика должна быть не искусством возможного ..., а *искусством невозможного* – проявлением высшей реальности в низшей» (С.Е., с. 193) .

Обозначая жанр своей работы как социально-эстетические этюды, С.Е. действительно уделяет много внимания роли и положению социума в давней и современной истории России, при этом большое место уделено истории христианизации России и анализу состояния духовной жизни народа, воспринявшего новые основания для своего развития. Христианские ценности переходят на протяжении более тысячи лет от поколения к поколению, на какой-то период попираются с изменением политического климата в России, но, в принципе, остаются главными приоритетами и в общественном сознании, и в бытии. На причины отставания России в социальном плане от Запада указывал П. Чаадаев.

О причинах социальной неустроенности дореволюционной России писали многие, отмечали дикость нравов и невежество, но одно дело – отмечать, другое – деятельно изменять ситуацию.

Как справедливо указано С.Е., литературная элита, вскрывавшая язвы крепостнической России, не торопилась отпускать крестьян (крепостных работников), которыми она владела, тем самым продлевая жизнь феодализма и задерживая развитие России. Русская философская мысль XIX века пробивала свою дорогу к мировому признанию, испытывая сильнейшее влияние философских школ и направлений Европы. Если П.Я. Чаадаев собственно о русской идее не писал, – он держал её в уме, сравнивая католицизм и православие в части приближенности того и другого к социальным проблемам простых людей и считая, что, если католицизм стремится обеспечить более устроенную жизнь людей здесь, на земле, то православие уготовляет к райской жизни на небесах. Призывая к смирению, к непротивлению обстоятельствам, философ закрывал перед собой дверь, не решаясь на логические выводы из своих рассуждений. «Я любил мою страну по-своему, вот и всё, и прослыть за ненавистника России было мне тяжелее, нежели могу вам выразить», – писал Чаадаев; и так могли бы написать многие из тех, судьбы которых затронуты в книге С.Е.

Океанические явления в глубинах российской истории возбуждают волны, доходящие до «других берегов», выбрасывая там пену, мусор, щепки разрушенных судеб – неизбежные следы смут, междоусобиц, путчей и «перестроек», по отголоскам которых на «других берегах» судят о первопричинах и вырабатывают снадобья – лекарства для себя и «лекарства» для России (для её культуры, экономики, политики), о чём аргументированно говорится в книге С.Е. Иногда с пеной и мусором к «тем берегам» прибываются зачинатели и активисты. Все эти потрясения, подпитываемые и инициируемые из-за границы, в основном – с Запада, в контексте русской идеи не ощущают со стороны её приверженцев должного отпора опять же в силу неопределённости и размытости её (русской идеи) сути и, в первую очередь, в части социальной направленности. Лозунги – «Свобода! Независимость! Равноправие!» и т. д., – берущиеся напрокат с западных реквизиторских кладовых, оставляют за скобками интересы населения собственно России, не учитывают менталитет и самобытность нашего народа. О труде и тружениках, которым предназначено русскую идею воплощать через делание, современные лозунги не упоминают. Заглядывая вперёд, автор предрекает, что «резонансная частота» России на шкале метаисторических найдётся где-то между феодализмом и коммунизмом (С.Е., с. 191).

Основой русской идеи является мечта об организации достойного бытия жителей России. Но достойной чего? Великого исторического прошлого? Достойной предназначения России и её исторической миссии в судьбах человечества? Или достойной исторического опыта, накопленного ценой больших потерь? Но:

В тебе, в твоих глубинных генах // Судьбой заложена давно //
 Мечта о светлых переменах, // Которым сбыться не дано. //
 Мечта блистательной зарницей // Сверкает ярко вдалеке //
 И пропадает вслед за птицей, // Вспорхнувшей с ветки налегке; //
 Навязчивость мечты опасна // Как неподъёмная сума: //
 Недостигаемо прекрасна, // Она сведёт тебя с ума. //
 Летим к мечте... Трещит упряжка... // Овраги, рытвины, кусты... //
 Хитро подмигивает Пряжка // И волком щерятся «Кресты».

(«Россия». Лаэрт Добровольский).

Русская идея как трудница Её Величества Русской Мечты обречена принимать пинки и тычки, терпеть упрёки и отвечать невпопад, оставаясь преданной своему долгу. Какой бы ни была политическая погода на российском дворе, власть всегда выдвигает на первый план социальное преобразование. Идеейные противники – славяно- и европофилы – «были зачарованы русской тайной, не сбрасывали с души философский камень и мучительно искали фантастическую перспективу через социальное преобразование» (С.Е., с. 80). Здесь, и на других гранях «октаэдра Емельянова» идея социальных преобразований выдвигается на ключевую роль в ряду других составляющих русской идеи.

Поиски других составляющих русской идеи (кроме идеи социальных преобразований) – одна из основных целей в рассуждениях С.Е. Многочисленные источники, на которые он опирается при работе над книгой, прямо или косвенно указывают на ту или иную составляющую русской идеи, но нигде не удалось обнаружить исчерпывающего перечня этих составляющих. Более того, противоречивость и многовариантность представлений в данном вопросе наводит на мысль об отсутствии решения поставленной задачи в принципе. Приведём лишь некоторые суждения отдельных авторов о составляющих русской идеи.

Итак:

А.Н. Радищев: главное – не государство, а благо народа.

С.С. Уваров: Триада «Православие, Самодержавие, Народность» как русская монархическая доктрина.

Ф.М. Достоевский обозначил проблему – наличие в нашем народе «зачатка» особой от всего света идеи, которая заключает в себе некую великую силу, способную повлиять на дальнейшую историю нашу. Ф.М. Достоевский: «Достоевский более всего свидетельствует о том, что славянофильство и западничество одинаково подлежат преодолению, но оба направления войдут в русскую идею, как и всегда бывает в творческом преодолении» (Н. Бердяев).

Л.Н. Гумилёв: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство». Спасение России выступает главным, опорным пунктом, евразийство – как способ достижения цели. Эти два момента (спасение и евразийство) могут рассматриваться как отдельные составляющие русской идеи.

А.И. Солженицын: «Когда дискуссия о “национальной идее” довольно поспешно возникла в посткоммунистической России, я пытался охладить её возражением, что, после всех пережитых нами изнурительных потерь, нам на долгое время достаточно задачи сбережения гибнущего народа». (Из интервью еженедельнику «Шпигель»).

Н.А. Бердяев: Равенство и братство народов (против германской идеи господства и насилия).

Социальная правдивость.

«...основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество (созидание – Л. Д.) лучшей жизни».

«...русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма».

«Миссия России – быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное».

Национальные мечты (мечтания) и национальные идеи находятся в непрерывном противоборстве. Активно напоминает о своём существовании американская мечта. Мечта американская и мечта российская в открытом сражении не сталкивались. Столкновение мечты российской (советской) с «коллегами» наполеоновской Франции, гитлеровской Германии и др. убеждает в необходимости русской мечте быть сильной. Отсылка С.Е. к книге Б.Х. Обама «Дерзость надежды. Мысли о возрождении американ-

ской мечты» – нелишний штрих в рассуждениях о русской идее... История Европы XX века, точнее – история Второй мировой войны подтверждает выводы Н. Бердяева: «Общество понимается как природа или как дух. При первом оправдывается насилие, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство. Человек человеку волк. При втором утверждает-ся высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство. Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше». Более точно, провидчески высказал ту же мысль Н.К. Михайловский: «Немецкий расизм есть натурализм в социологии».

* * *

Книга С.А.Емельянова «Русская идея и звуки вечности» заслуживает более широкого рассмотрения и обсуждения, её можно представить и как философский трактат, и как сборник социологических эссе, и как пособие по руссиеведению и, наконец, как зеркало событий русской истории под лёгким градусом выдержанного юмора. В данной рецензии затронуты лишь некоторые, наиболее ярко высвеченные моменты в рассуждениях автора.

Русская идея как научный объект для наблюдения и изучения находится в непрестанном развитии. Задача учёных – найти ключ для определения вида (формулы) этой идеи для любого этапа процесса её (идеи) эволюции по отношению к истории Руси (России). Поиск окончательной формулы (формулировки) русской идеи аналогичен стремлению физиков получить окончательные законы физики, т.е. законы мирообразования и мироустройства на данном этапе его (мира) существования. «Можем ли мы найти в современной физике какой-либо намёк на то, как будет выглядеть окончательная фундаментальная теория, которую мы когда – либо построим?», – вопрошал нобелевский лауреат Стивен Вайнберг.

* * *

Одна особенность привлекает внимание читателя книги С.Е.: в ней не выделен раздел, который мог бы быть посвящён роли и месту собственно идеи русской идеи в контексте развития культур других народов, начиная с незапамятных времён. Н. Бердяев, приступая к своему фундаментальному труду «Русская идея», замечал: «Меня будет интересовать не столько вопрос

о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его *идея* (выделено мной – Л. Д.) ... Эмпирически столь многое отталкивает в русской истории... Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ,...вызывающий беспокойство народов Запада... По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с народом *еврейским* (выделено мной – Л. Д.). И не случайно, именно у этих народов сильно мессианское сознание».

Приведённое выше высказывание Бердяева о мессианской идее как составной части русской идеи в полном виде выглядит так: «После народа *еврейского* (выделено мной – Л. Д.) русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма» (Н.Бердяев. «Русская идея»). Оброненное как бы случайно – «после народа *еврейского*», – случайным для Бердяева не является, но и не находит дальнейшего раскрытия по тексту всей книги Бердяева: нигде далее он не затрагивает проблемы взаимоотношения еврейства как феномена культуры и эволюции русской идеи. Но С.Е. проявил большое внимание к этой фразе и предпринял попытку развить сокрытое Бердяевым, при этом существенно отвлекая внимание читателя от основной линии своей книги и смещая центр тяжести рассуждений от должного положения. Иногда складывается впечатление, что именно этот аспект (еврейство – русская идея) является центром внимания автора – так непомерно сильно сдобрен текст ссылками на Тору, отсылками к фигуре пророка Моисея, через которого еврейскому народу переданы на горе Синай десять заповедей и т.д. Еврейские нотки слышатся в первом же аккорде произведения С.Е.: «Российская демократия ещё более несбыточная мечта, чем строительство коммунизма. *Обрезание* (выделено мной – Л. Д.) от высших ценностей и растрепание душ здесь именуется борьбой за свободу». Несколькими тактами – абзацами ниже: «Мир держится на радости и согласно Талмуду. Только веселясь, можно одолеть несовершенство Бытия. В еврейской культуре нет конфликта между радостным и трагичным» и т.д. Всё повествование в книге ведётся с оглядкой на иудейскую культуру, что методологически могло бы быть объяснимо и концепцией книги Н. Бердяева, но он (Бердяев) приверженцем такой оглядки не был: неоднократно повторенной в его книге фразой – «Мессианизм почти так же характерен для русского народа, как и для народа *еврейского*» –

абсолютно ограничивается касательство к еврейскому вопросу, в то время как в книге С.Е. весь материал о русской идее пропускается через пласты представлений о мире и мироустройстве, сложившихся в иудаизме. Такой подход к подаче материала потребовал от автора серьёзной подготовки, что подтверждается и перечнем в библиографии: библиография книги С.Е. более чем на десять процентов состоит из источников, касающихся истории и места иудаизма в современном мире... Кстати, у Бердяева есть и такое замечание: «Мессианизм был свойствен не только русским, но и полякам. Страдальческая судьба Польши его обострила. Интересно сопоставить русские мессианские и эсхатологические идеи с идеями величайшего философа польского мессианизма Чешковского, который до сих пор недостаточно ещё оценен».

Книга «Русская идея и звуки вечности» представляется сгустком идей, которым нужно помочь «раскрыться» подобно набухшим почкам весенних побегов, каждый из которых обещает реализоваться в самостоятельной жизни. Сохраняя тональность книги, о чём сказано чуть выше, С.Е. полагает, что «требуется более системный анализ вечно юной *еврейской* (выделено нами – Л. Д.) проблемы в контексте взаимосвязи с русской идеей, искусством и евразийством» (С.Е., с. 224). Как говорится, «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!».

Санкт-Петербург